

Ветер стих, но волны ещё не улеглись.

Буря во Внутренней придворной управе, благодаря решительным мерам Императора и распоряжению Императрицы «всё как обычно», на поверхности утихла быстро. Виновные были понижены или наказаны, освободившиеся места быстро заполнили, жалование Шести дворцов по-прежнему выдавали вовремя, даже более исправно, чем прежде. Однако под спокойной гладью воды скрытое течение становилось всё более бурным и непредсказуемым.

Наложница Хуа, Нянь Шилань, сказавшись больной, несколько дней отдыхала. Старый горный женихень, дарованный Императором, в конце концов, после напоминания Императрицы «Императорская милость безгранична, не смей пренебречь», был осторожно сварен и выпит. Выпитый отвар женихенья стал для неё и сочетанием милости и строгости императорской власти, и леденящим холодом меча, нависшего над головой.

В эти дни у ворот Дворца Икунь было безлюдно, наложницы, прежде заискивавшие и угождавшие, исчезли, и лишь Императрица Исю ежедневно посылала людей навестить больную, передавая питательные продукты или книги для развлечения, полностью соблюдая этикет.

Нянь Шилань лежала на больничной койке. Страх постепенно утих, остались лишь бескрайняя обида, пережитый ужас и невыразимая пустота. Она снова и снова пережёвывала в памяти те спокойные слова и нежные прикосновения Императрицы в ту ночь — это стало едва ли не единственной её духовной опорой. То юное восхищение Императором после такого испуга догорало, как свеча на ветру, готовое вот-вот погаснуть. А другое семя, на удобренной страхом почве развалин и в тёплой постели зависимости, бесшумно пускало уродливый росток.

В тот день осеннее небо было ясным, солнечный свет — тёплым. Исю, помня о своём обещании, действительно прислала человека во Дворец Икунь с приглашением Нянь Шилань прогуляться в Императорском саду, развеять тоску, любуясь хризантемами.

Нянь Шилань колебалась мгновение, но в конце концов не смогла устоять перед желанием увидеть ту, о ком думала. Она тщательно причесалась, выбрала относительно скромное озерно-голубое платье ципао, скрыв часть яркости, добавив себе хрупкости после болезни, и, опираясь на руку Сун Чжи, вышла из дворца.

В Императорском саду хризантемы цвели в самом соку, всевозможных форм и расцветок, соревнуясь в красоте. Карета Императрицы уже прибыла; в окружении прислуги она медленно прогуливалась среди зарослей хризантем.

Увидев Нянь Шилань, на лице Исю появилась тёплая улыбка, она поманила её подойти поближе.

— Как здоровье? Вид у тебя всё ещё слабый, — Исю оглядела её, голос был естественным и заботливым, словно обычное беспокойство старшей сестры о младшей.

— Благодарю за беспокойство, Ваше Величество, мне гораздо лучше, — Нянь Шилань присела в поклоне, взгляд её встретился со спокойными глазами Исю, и на душе стало немного легче.

Они пошли плечом к плечу, любуясь цветами и обмениваясь мнениями, со стороны казалось — полная гармония. Однако вся прислуживающая челядь стояла с опущенными глазами, а другие наложницы и драгоценные особы, завидев их издалека, лишь кланялись на расстоянии, не осмеливаясь подойти и потревожить. Все знали: эти двое — в центре недавней бури, и когда они шли вместе, от них исходила незримая аура, не подпускающая чужаков.

— Этот «Зелёное облако» — редкость, цвет благородный, осанка гордая, — Исю остановилась перед горшком с редкой зелёной хризантемой и слегка кивнула.

Нянь Шилань проследила за её взглядом и поддакнула:

— У Вашего Величества прекрасный вкус. Но я полагаю, что достоинство хризантемы в том, чтобы цвести на морозе. Эти же, выращенные с таким тщанием в теплице, хоть и драгоценны, лишены кое-какой стойкости духа.

Едва произнеся это, она поняла, что оговорилась: слова словно бы на что-то намекали. Она поспешно взглянула на выражение лица Исю. Однако та, казалось, вовсе не придавала значения, лишь улыбнулась:

— В словах младшей сестры есть кое-какой смысл. Стойкость духа, безусловно, важна, но умение выживать и даже блистать в разных обстоятельствах — разве это не мудрость? — Она многозначительно посмотрела на Нянь Шилань. — Например, ты. Твой прямой нрав — дело хорошее, но в глубине этого дворца иногда нужно уметь скрывать острию, хранить простоту, чтобы продержаться дольше.

Эти слова, словно наставление, словно утешение, тихонько отозвались в сердце Нянь Шилань. Она вспомнила свою прежнюю опрометчивость и испуг, невольно покраснев, опустила голову:

— Я, ваша наложница... принимаю наставление.

Они подошли к беседке у воды. Исю приказала прислуге:

— Я и Наложница Хуа отдохнём здесь. Ступайте, ждите поодаль.

Слуги повиновались и удалились, в беседке остались только они двое. За окном журчала зелёная вода, изредка падали одинокие листья, отчего в беседке стало ещё тише.

Исю собственноручно налила чашку горячего чая и протянула Нянь Шилань:

— Попробуй. Это Лунцзин, заваренный на прошлогодней воде от таяния снега с цветов сливы. Он успокаивает сердце и душу.

Нянь Шилань приняла чашку. Чайный аромат был чистым и прохладным. Она сделала маленький глоток, и тревога в её сердце понемногу улеглась, сменившись покоем.

Она смотрела на сидящую напротив Императрицу, величественную и изящную в каждом движении, и в её голову внезапно пришла нелепая мысль: если бы этот человек мог навсегда стать её защитой, то этот глубокий дворец, кажется, не был бы таким страшным.

Исю, словно прочитав её мысли, опустила чайную чашку и устремила взгляд на осеннюю воду за окном. Голос её был негромким, но отчётливо слышным:

— В этом дворце всегда так: дерево хочет покоя, но ветер не утихает. Сегодня — Внутренняя управа, а завтра — неведомо какая буря. Одному дереву трудно устоять, но вместе легко поднять. Знаешь ли ты эту истину, младшая сестра?

Сердце Нянь Шилань бешено забилося. Она сжала в руках чашку. Что значат слова Императрицы? Намёк на... союз?

Она не была невеждой в делах дворцовых клик. Но прежде, полагаясь на свой род и милость Императора, она презирала подобные вещи. Но теперь... Она украдкой взглянула на Исю. Императрица отличалась от тех, кто хотел лишь использовать её или завидовал ей. Императрица была уравновешенна, мудра, и в ту ночь, когда Нянь Шилань была в страхе и отчаянии, именно она дала ей единственную защиту и указала путь.

Её охватил порыв, смешанный с зависимостью, благодарностью и смутным тёплым чувством. Слова почти вырвались сами собой:

— Я, ваша наложница, глупа... но я знаю, кто ко мне по-настоящему добр! Если Ваше Величество... не побрезгуете, я желала бы... желала бы следовать за Вами! — Произнеся это, она залилась румянцем, и от волнения, и от смущения: её слова были слишком прямолинейны, почти равносильны предложению верности.

Исю перевела взгляд и молча посмотрела на неё. В этом взгляде были и оценивающая глубина, и едва заметное удовлетворение. Она не сразу ответила. Это молчание заставило сердце Нянь Шилань снова подпрыгнуть: она испугалась, что была слишком дерзка и нарушила этикет.

Наконец, спустя долгое время, Исю заговорила. В её голосе не было слышно ни радости, ни гнева:

— Младшая сестра говорит слишком сильно. Мы с тобой — сёстры в одном гареме, служим Императору. Жить в согласии, поддерживать друг друга — это само собой разумеется. О каком

«следовании» может идти речь? — Она легко и непринуждённо свела «союз» к «сестринской поддержке».

Нянь Шилань опешила, а затем поняла. Она мысленно обругала себя за глупость — разве можно было высказывать такие вещи вслух? Она поспешно опустила голову:

— Да, да, я, ваша наложница, оговорилась. Ваше Величество правы. Мы, сёстры, и должны поддерживать друг друга.

Исю, увидев, что та поняла, слегка изогнула уголки губ, и на лице её появилась более тёплая улыбка:

— Хорошо, что ты понимаешь. Я всего лишь прожила немного больше твоего и видела больше. Если в будущем снова столкнёшься с трудностями или если в душе твоей будут сомнения, всегда можешь прийти во Дворец Цзинжэнь поговорить со мной. Не нужно снова, как в прошлый раз, паниковать и терять голову, давая другим повод для насмешек.

Её слова и устанавливали границы, и давали обещание, оставляя достаточно пространства для размышлений. Особенно многозначительным было это «в будущем».

С сердца Нянь Шилань свалился тяжёлый камень. Её охватила невыразимая радость и чувство надёжности, словно она наконец обрела пристанище. Она с чувством кивнула:

— Я, ваша наложница, поняла! Благодарю Ваше Величество!

Они посидели ещё немного. Исю, словно внезапно вспомнив о чём-то, сняла с запястья браслет из турмалина. Камни в браслете были круглыми, полными, цвета — изумрудно-зелёными, а в середине красовалось тёплое белое нефритовое семя лотоса. Было очевидно, что вещь необыкновенная.

— Этот турмалин много лет был со мной, он успокаивает дух и умиротворяет сердце, — сказала она, взяла руку Нянь Шилань и собственноручно надела на неё браслет. — Ты только что оправилась от болезни, дух твой неспокоен. Может быть, он принесёт тебе пользу.

Прохладные бусины коснулись кожи, но Нянь Шилань показалось, что место прикосновения воспламенилось, и жар этот проник прямо в сердце. Она смотрела на зелень на своём запястье, затем на мягкий взгляд Исю, и нос её защипало — она едва снова не расплакалась. Эта «сестринская» забота тронула её больше, чем любые дары Императора.

— Ваше Величество... это слишком драгоценно... я, ваша наложница, не достойна принять...

— Всего лишь безделушка. Какая же тут «недостойна», — Исю мягко похлопала её по руке, останавливая возражения. — Уже поздно. Возвращайся, хорошенько отдохай.

На обратном пути во Дворец Икунь Нянь Шилань поглаживала турмалиновый браслет на запястье, и душа её была полна смятения. Каждое слово Императрицы, каждый её взгляд она снова и снова переживала в своём сердце. Это была тайная радость от того, что её признали и приняли под своё крыло, радость, затмившая прежние страхи и обиды.

А в беседке у воды Исю стояла одна, облокотившись на перила, и смотрела вслед удаляющейся фигуре Нянь Шилань — лёгкой в походке, но всё ещё стройной и изящной.

Тихо подошла Цзяньцю и вполголоса спросила:

— Ваше Величество, а браслет из турмалина...

— Ничего, — голос Исю был безучастен. — Не приманишь волка, не рискнув дитятей. Один корень женьшеня, одна нитка бус — и клинок из клана Нянь пока что у меня в руках... даже преданность хорошенькой собачки купить можно. Это выгодно.

Она помолчала, словно разговаривая сама с собой, а затем словно объясняя Цзяньцю:

— Только вот собачка эта сейчас напугана, послушна и жалка. А если в будущем страх забудется и она снова зазнается, нужно будет её постоянно понукать. Ведь поводок я ей хоть и передала, но когда его затягивать, а когда отпускать — решать только мне.

Осенний ветер пронёсся мимо, взметнув полы её Фениксового платья.

Феникс правит миром, сочетая милость и строгость.

Добыча уже в силках. Охота только начинается.

<http://bllate.org/book/18894/1846949>